

**Россинская Светлана Владимировна,  
заведующая библиотекой «Фолиант»  
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

**Денис Давыдов: Вы были дети и герои, вы все могли!**  
(Беседа к 200-летию Отечественной войны 1812 года (в 2012 году))

*«Денис Давыдов... примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин - не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальника, и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности».*

*В. Г. Белинский*

Денис Васильевич Давыдов (16 июля 1784 - 22 апреля 1839) - генерал-лейтенант, идеолог и предводитель партизанского движения, участник Отечественной войны 1812 года, русский поэт «Пушкинской плеяды». Эти сведения есть во всех литературных и исторических энциклопедиях.

Но давайте вместе с читателями библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК и активистами ее литературного клуба «Прикосновение» попробуем полистать страницы жизни и творчества поэта более подробно и посмотреть, чем увлекался этот человек, к чему стремился, какие у него были приоритеты в жизни.

Итак...

### **Непростое решение**

Дом надо продавать... Давыдову не слишком этого хотелось: что ни говори, Пречистенка для Давыдовых - место родное, но выхода, похоже, нет... Он хозяйничал здесь без малого два года и убедился: содержать в Москве такой дворец ему не по карману.

Доходов от симбирского имения жены едва хватало на то, чтобы растить девятерых детей. Сыновья не хотели учиться - старшие так и норовили податься в гвардейские офицеры, а его семья разорилась еще при Павле I.

Денис Васильевич Давыдов посмотрел в окно и вздохнул - деньги он, положим, сумел бы найти, уж как-нибудь выкрутился бы. Не впервой...

Но стоит ли хлопотать ради того, чтобы любоваться проклятой каланчой и слушать, как по мостовой грохочут пожарные повозки? Кто же мог подумать, что соседний дом выкупит казна? Бок о бок с его домом стоял большой особняк. И дернул же нечистый его хозяев сторговаться с казной, а московского военного губернатора - вселить в бывшую дворянскую усадьбу пожарную нечисть! Теперь он живет по соседству с каланчой, для отставного же генерал-лейтенанта это несолидно.

А ведь на первый взгляд приобретение было очень удачным. На Пречистенке обитал цвет московской знати: **Гагарины, Долгоруковы, Шаховские, Орловы, Ермоловы, Тучковы...**

Неподалеку от его нынешней усадьбы стоял дом, где в прежние времена жила вся их большая семья - еще тогда, когда отец, **Василий Денисович**, армейский бригадир, считался богатым человеком. Жил он широко, много играл и редко навещался в Полтаву, в свой полк: Василий Денисович предпочитал Москву. Именем отца Давыдова, кроме родовой Денисовки, было с 1799 года село **Бородино**, сожжённое во время Бородинского сражения.

При Павле I в полку прошла ревизия, отцу насчитали стотысячную недостачу, и ему пришлось распродать большую часть родовых имений. Уцелело немного; усадьба на Пречистенке, несколько сел да именьеце Бородино.

## Вы говорите, враг на носу?

...Давыдов отошел от окна, случайно взглянул в зеркало и поморщился: он не любил своего отражения. Определенно живописные портреты ему льстили, в жизни поэт-партизан был не так импозантен; мал ростом, круглощек и узкоглаз, с маленьким, похожим на пуговку носом. Князь П.И. **Багратион** однажды сострил на сей счет, и шутку, к сожалению, помнят до сих пор.

*- Вы говорите, враг на носу? Позвольте спросить, на чьем: на моем или на вашем? Если на моем, приглашаю вас отобедать, а коли на вашем - дело плохо...*

(Прим.: Впоследствии, незадолго до своей кончины Давыдов ходатайствовал о перезахоронении своего начальника Багратиона на Бородинском поле, что и было исполнено по Высочайшей воле императора Николая I после смерти Дениса Васильевича.)

Денис Васильевич засопел и уселся за письменный стол: непростое положение требовало крайних мер, а ведь дом очень хорош, и история у него славная...

## Славная история родового поместья

Пречистенский особняк выстроил для себя московский обер-полицмейстер **Николай Петрович Архаров**. Он прибыл в Москву во время чумного бунта вместе с посланным на его усмирение **Григорием Орловым** - Архаров командовал одной из четырех гвардейских команд. Орлов подавил мятеж и истребил чуму. Москвичи перестали бить докторов и громить лазареты, на рынках навели порядок, город очистили от грязи.

Архаров хорошо себя показал, он оказался прирожденным полицейским и Москву держал в ежовых рукавицах: имел повсюду осведомителей - и на рынках, и в кабаках. Ему было известно все, что делается в Первопрестольной. Честный перед ним человек или же вор, Архаров определял с первого взгляда, о его полицейских приемах москвичи слагали легенды.

По одной из них как-то к Архарову привели мясника и писца: мясник обвинил чернильную душу в том, что тот украл у него кошелек с серебром. Архаров велел поставить на огонь котелок с водой и, когда вода закипела, бросил в нее деньги, потом посмотрел на монеты, сказал, что деньги мясниковы и велел писца взять под стражу. Потом он уверял, что правду подсказал поднявшийся на поверхность воды жир - коли монеты так засалены, значит, побывали в руках мясника.

Другая байка утверждала: когда государыня Екатерина прислала Архарову письмо с просьбой немедленно прибыть в столицу и разыскать украденную из Зимнего дворца серебряную посуду, Николай Петрович в Петербург не поехал. Посидел, подумал и написал ответ: ищите в подвалах дома петербургского полицмейстера. Там оно и нашлось...

Когда посуду извлекли на свет божий, государыня назвала Архарова ясновидящим. Она ценила его способности, однако недолюбливала за лицемерие и склонность к интригам.

При Павле I Николай Петрович стал петербургским генерал-губернатором, но однажды с ним случился конфуз: император похвалил раскраску полицейских будок и шлагбаумов, и Архаров тут же велел перекрасить в этот цвет дома и заборы городских обывателей. Павел посчитал ретивость губернатора издевкой, и отрешенный от должности Николай Петрович отправился в ссылку (официальным предлогом стало то, что из-за его распоряжений в Петербурге вздорожало сено).

Памятником ему стало словечко «архаровец». Так москвичи называли солдат из гарнизонного архаровского полка - лихих людей, тащивших все, что плохо лежало.

Денис Васильевич выбросил из головы Архарова и архаровцев, взялся за перо и вывел на веленовой бумаге:

В дни былые сорванец,  
Весельчак и веселитель,  
А теперь Москвы строитель...

Так он начал поэтическое прошение своему доброму приятелю сенатору **Башилову**. Зачем ему собственный дом, если столько людей рады принять его у себя и в Москве, и в Петербурге? Друзья любили его всегда: если бы не их участие, он так и сгнил бы в глухом армейском полку.

### Цена вопроса, или Крест на карьере

Денис Давыдов был мастером стихотворных каламбуров и известным на всю русскую армию острословом, задевавшим высших сановников и самого царя. В 1941 году появился персонаж поручик Ржевский. По словам его автора **А. Гладкова**, он «весь вышел» из одного стихотворения Д. Давыдова 1818 года - *«Решительный вечер»*.

(Прим.: Потомственный дворянин, поручик Ржевский стал как бы реальным лицом - о нём есть анекдоты, как о Чапаеве, а недавно в Ржеве даже решили поставить ему памятник.

В первоисточнике - пьесе - он обладает как отрицательными качествами (склонность к выпивке, хвастовство, брань), нейтральными (умение танцевать), так и положительными: храбрость, ловкость, доверчивость, прямоту, откровенность, умение обращаться с оружием, любовь к родине, нелюбовь к «свету», надёжность, верность долгу, слову и друзьям.

По пьесе и фильму *«Гусарская баллада»* Ржевский реальным бабником не является (хотя два раза и хвастается успехом у женщин), однако именно сексуальная тема явилась основной составляющей в поздних анекдотах, скетчах и фильмах про поручика. Поручик в современном фольклоре является brutальным малообразованным ловеласом, от напора которого женщины теряются).

Итак... Дело было в стихотворении. Денис Давыдов, молодой кавалергардский офицер, только-только начавший писать стихи и возмнивший себя русским Ювеналом, в одной из басен сравнил Александра I с тетеревом (покойный император был туговат на ухо). В выражениях начинающий поэт не стеснялся: самодержца он величал глухой тварью и бестолковой разиней. На дальнейшей карьере Дениса Давыдова был поставлен жирный крест.

Когда началась война, ему отчаянно хотелось понюхать пороху, но император не забыл «глухую тварь». На первый взгляд, месть была невинной: кто счел бы наказанием запрет отправиться на войну? Но юный ротмистр готов был съесть собственные усы: товарищи-кавалергарды скакали навстречу славе, а он тратил жизнь на мазурки и попойки.

Помогла фаворитка Александра I, благоволившая к Давыдову **Мария Нарышкина**. В результате хитроумной интриги его назначили адъютантом командующего арьергардом русской армии генерала **Багратиона**, и Денис Васильевич помчался в Восточную Пруссию. Там он получил все, о чем мечтал: Владимира четвертой степени, прусский орден «За заслуги» и вдоволь сабельных ударов. В родные пенаты гусар вернулся окуренным порохом воякой.

Деда, помню вас и я,  
Испивающих ковшами  
И сидящих вокруг огня  
С красно-сизыми носами!

Но едва проглянет день,  
Каждый по полю порхает;  
Кивер зверски набекрень,  
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,  
Сабля свищет, враг валится...  
Бой умолк, и вечером  
Снова ковшик шевелится.

## Правда ли, что вы предпочитаете камеристок?

...Давыдов отложил перо, оглядел комнату, завешанную портретами жены и детей, и подумал; определенно тот, кто обременен таким семейством, - не солдат... Не то что в те далекие, навсегда ушедшие времена, когда на вопрос Нарышкиной: «Правда ли, что вы предпочитаете камеристок?» он ответил: «Да, сударыня. Они свежее».

Что и говорить: влюблялся он до одури, до дрожи в коленках, да что толку?.. В 1814 году Давыдов, уже прославленный партизан, герой Отечественной войны, потерял голову от юной воспитанницы Театрального училища, балерины **Татьяны Ивановой**. И что же? Таня вышла замуж за балетмейстера **Адама Глушковского**.

Года через два он решил жениться на очаровательной **Лизе Злотницкой**, дочке дивизионного генерала. Писал ей стихи, старался понравиться родителям, выхлопотал у императора доход с казенного имения. Казалось, все было решено, и тут зазноба предпочла ему лоботряса и картежника **Петра Голицына**. А ведь героя-партизана Давыдова к этому времени знала вся Россия! Увы, оказалось, что женщинам не нужны ни слава, ни поэзия. Смазливая физиономия и солидное состояние для них важнее.

## На войне хорошо, а дома лучше...

Он сидел за своим столом в расшитом женой персидском халате и мягких туфлях, которые она же вышила бисером. **Софья** осталась в их симбирском имении - там, не в Москве, его настоящее гнездо. Большой дом, великолепная охота: жирных дупелей там водилось столько, что он их и сушил, и мариновал, и солил.

...Московская барышня **Софья Чиркова**, дочь рано умершего генерала, оставившего жене и детям богатое наследство, была несколько флегматична и отличалась большой склонностью к хозяйственным делам. Возможно, барышня была не очень подходящим объектом для романтической любви, но лучшей жены Давыдову было не найти.

Он сделал предложение, и Соня была готова его принять, да воспротивилась мать. Репутацию жениха сильно подмочили слухи о камеристках и гусарских попойках, а также ходившие по рукам его стихи, воспевавшие прелести холостой офицерской жизни. Услышав, что такой вертопрах набивается ей в зятя, **Елизавета Петровна Чиркова** пришла в ужас. Но за него хлопотали друзья, среди них нашлись и добрые знакомые покойного генерала. Елизавета Петровна повздыхала, посмотрела на заплаканную Соню - и согласилась.

Правда, приданое - Верхнюю Мазу и винокуренный завод под Бузулуком - записала на имя дочери, так ей показалось надежнее. Тут пришел черед вздыхать жениху, но делать нечего - их обвенчали, и Денису Васильевичу пришлось узнать, до чего хороша семейная жизнь. Поначалу он хотел продолжить военную карьеру, но потом махнул на службу рукой - на войне хорошо, а дома лучше...

Он продолжал заниматься творчеством, вёл обширную переписку с **А. Ф. Воейковым, М. Н. Загоскиным, А.С. Пушкиным, В. А. Жуковским**, другими писателями и издателями. Бывал в гостях у соседей - **Языковых, Ивашевых, А. В. Бестужева, Н. И. Поливанова**. Пользовался большими симпатиями в дружеских кружках. По словам князя **П. А. Вяземского**, Давыдов до самой кончины сохранил изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была заразительна и увлекательна; он был душой дружеских бесед.

Посещал Симбирск. Выписывал книги из-за границы. Охотился. Писал военно-исторические записки. Занимался воспитанием детей и домашним хозяйством: выстроил винокуренный завод, устроил пруд и т. д. Одним словом, жил в своё удовольствие.

Только вот мучительно раздумывал, может, все-таки примириться с проклятой пожарной частью и не продавать московскую усадьбу?.. Хоронить себя заживо в селе ему не хотелось - есть еще огонь под холодным пеплом, сердце бьется громко и живо, как в молодости...

## Виновница мучительной мечты и поэтических страстей

Последняя сердечная склонность доставила Давыдову много страданий.

С барышней **Евгенией Золотаревой** он познакомился в Пензе в 1831 году - там жил его старый однополчанин **Дмитрий Бекетов**. **Полина** и **Евгения** Золотаревы приходились ему племянницами.

Когда я повстречал красавицу мою,  
Которую любил, которую люблю,  
Чьей власти избежать я льстил себя обманом, -  
Я обомлел! Так, случаем неожиданным,  
Гуляющий на воле удалец, -  
Встречается солдат-беглец  
С своим безбожным капиталом.

Когда Давыдов увидел 23-летнюю девушку, сердце сладко заныло, и каблуки будто сами собой прищелкнули, чтобы раздался малиновый звон шпор...

Но шпоры не зазвенели: он забыл, что на нем не мундир с расшитым золотым шнуром доломаном, не короткие гусарские сапожки с кисточками на голенищах, а унылый статский сюртук. В этом наряде поэт-партизан походил на вышедшего в отставку столоначальника. Он был на 27 лет старше её.

О, кто, скажи ты мне, кто ты,  
Виновница моей мучительной мечты?  
Скажи мне, кто же ты? - Мой ангел ли хранитель  
Иль злобный гений - разрушитель  
Всех радостей моих? - Не знаю, но я твой!  
Но только что во мне твой шорох отзовется,  
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет  
И возвращается душа, и сердце бьется!..

А барышня была просто чудо! Умненькая, хорошенькая и злая на язычок - пожалуй, он у нее даже чересчур острый.

Несмотря на то, что он очень любил свою семью, ничего не мог с собой поделаться. Скрыть тоже не получилось. Их роман продолжался три года. На людях она мучила его, обливала холодом, наедине же не скрывала страсти, и он упивался прелестью «девственного поцелуя».

Посвященные своей последней любви стихи Давыдов посылал друзьям, а те их печатали, да еще с указанием города Пензы.

Я вас люблю без страха, опасенья  
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, -  
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...  
Я вас люблю затем, что это - вы!

Давыдов нервничал - не увидела бы жена. Писал в Петербург, укоряя Пушкина и Вяземского: *«...жена моя не верит моим восторгам к другим, ну а как неравно поверит? Ведь такую гонку задаст, что своих не узнаешь, и поделом...»*

Когда роман получил огласку, старшая, замужняя сестра потребовала от Евгении прекратить встречи, и вскоре та приняла предложение пензенского помещика **Василия Осиповича Мацеева...**

А Денис вернулся в семью. Сердце было разбито, но это ничуть не мешало ему оставаться хорошим, заботливым мужем. Он ни на минуту не допускал, что страсть к Евгении

может заставить его бросить семью и пуститься в безнадежную любовную авантюру: бесшабашные гусарские доблести Денис Давыдов воспевал исключительно в стихах.

Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар,  
Я проседью усов, все раб молодой привычки:  
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар  
И громогласные шампанского оттычки.

От юности моей враг чопорных утех,  
Мне душно на пирах без воли и распашки,  
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,  
И дым столбом от трубочной затяжки!

### Помоги в казну продать мой пречистенский дворец...

Бог с ней, с московской усадьбой! Денис Давыдов окунул перо в чернильницу и продолжил поэтическое прошение к главе Комиссии для строения Москвы:

...Сохрани меня, отец,  
От соседства шумной тучи  
Полицейской саранчи,  
И торчащей каланчи,  
И пожарных труб и крючий.  
То есть попросту сказать:  
Помоги в казну продать  
За сто тысяч дом богатый,  
Величавые палаты,  
Мой пречистенский дворец...  
Тесен он для партизана:  
Сотоварищ урагана,  
Я люблю, казак-боец,  
Дом без окон, без крылец.  
Без дверей и стен кирпичных,  
Дом разгулов безграничных  
И налетов удалых...

Дом казна у него купила. После этого бывшая давыдовская усадьба не раз меняла владельцев. Здесь жил доктор **Дурново**, прототип главного героя чеховской «Душечки»: он погиб, заразившись от больного дифтеритом. Позже тут открылась женская гимназия, а при советской власти дом занимал Ленинский райком КПСС. Это обстоятельство и спасло усадьбу - до нашего времени сохранилась большая часть ее интерьеров.

Продав московский дом, Денис Васильевич Давыдов окончательно пустил корни в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии, располнел. А скончался от апоплексического удара 22 апреля 1839 года, на 55-м году жизни, через два года после того, как продал дом на Пречистенке. Похоронили его в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря. Над его могилой установлен бюст из черного гранита.

Жуковский на эту скорбную весть отозвался искренними печальными стихами:

И боец - сын Аполлона,  
Мнил он гроб Багратиона  
Проводить в Бородино, -  
Той награды не дано:

Вмиг Давыдова не стало!  
Сколько славных с ним пропало  
Боевых преданий нам!  
Как в нем друга жаль друзьям!..

Жена Софья Николаевна пережила Дениса более, чем на 40 лет.

### Генералам двенадцатого года

С летами имя истинного патриота Отечества Дениса Давыдова приобрело всенародную и всеевропейскую славу.

Английский писатель **Вальтер Скотт** назвал Давыдова *«знаменитым человеком, чьи подвиги в минуты величайшей опасности для его Отечества вполне достойны удивления; что имя его, украшая самую блестящую и вместе почетнейшую страницу русской истории, передастся в позднейшие века»*. Скотт использовал мемуары Д. Давыдова *«Воспоминания о поисках 1812 года»* и *«Опыт партизанских действий»* при написании своего романа *«Жизнь Бонапарта»*.

**Лев Толстой** увековечил Давыдова в романе *«Война и мир»* в образе беззаветного храбреца-партизана Василия Денисова: *«Денисов был маленький человек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмаченными усами и волосами. На нем был растянутый ментик, спущенные в складках широкие чикчиры и на затылке была надета смятая гусарская шапочка»*. Знаменитый романист нашел для Давыдова (Денисова) емкие проникновенные слова.

Цитата:

*«Денисов сидел перед столом и трещал пером по бумаге. Он мрачно посмотрел в лицо Ростову. - Чай, пишу, - сказал он. - Ты видишь ли, друг. Мы спим, пока не любим. Мы дети праха... а полюбил - и ты Бог, ты чист, как в первый день создания»*.

В 1941 году, в начале Великой Отечественной войны с Германией, поэт **Михаил Спиров** помянул в своих стихах подвиги знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года:

Он смотрит вперед торопливо  
В холодный предутренний дым.  
Промерзшая конская грива  
Сугробом встает перед ним.

Он видит спаленные крыши,  
Замерзший реки берега.  
Здесь в каждом сугробе отыщешь  
Казацкою пикой врага...

Гусар и не думал, беспечный,  
Мечтая всю ночь до утра,  
Что он оставляет на вечность  
След сабли  
И след от пера...

*«Военные записки»* Дениса Давыдова были переизданы и помогали нашим бойцам *«побеждать врага не числом, а умением»*.

В 1962 году, на фасаде дома № 17 по Пречистенке была торжественно открыта мемориальная гранитная доска с изображением вдохновенного лица поэта и прославленного партизана. Под портретом высечено: *«В этом доме в середине 30-х годов XIX века жил герой»*

*Отечественной войны 1812 года, поэт-партизан Денис Давыдов». Чтобы особо выделить литературный дар храброго генерала, архитектор **Котырев** увенчал надпись гусиным пером.*

*И, конечно же, в веках останется стихотворное посвящение **Марины Цветаевой** «Генералам двенадцатого года».*

Три сотни побеждало - трое!  
Лишь мертвый не вставал с земли.  
Вы были дети и герои,  
Вы все могли!  
Что так же трогательно - юно,  
Как ваша бешеная рать?  
Вас златокудрая Фортуна  
Вела, как мать.  
Вы побеждали и любили  
Любовь и сабли острее -  
И весело переходили  
В небытие.

#### **Литература:**

- 1. Александров А.** Гусарская баллада/Алексей Александров// Караван историй.-2009.- №3.- Стр. 270-279.
- 2. Давыдов Д.** Стихотворения. - М.: Советская Россия, 1979.
- 3. Садовский Б.** Русская Камена, — М., 1910
4. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 г.г. Т. 8//Российский архив: Сб. - М.: Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. - Стр. 374-375.
- 5. Глинка В.М. Помарнацкий А.В.** Давыдов Денис Васильевич //Военная галерея Зимнего дворца. - 3-е изд. - Л.: Искусство, 1981. - Стр. 100-102.
- 6. Гусаров А.Ю.** Памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Во славу ратных дел. - М, 2012.









